

Презентизм и антикваризм – две картины истории

С любезного согласия С.С.Демидова я ознакомился с его статьей до ее публикации и поэтому имею возможность безотлагательно высказать свое мнение по поводу тех принципиальных методологических проблем, которые в ней обсуждаются. Это крайне удобно и выгодно для меня по двум причинам. Во-первых, Сергей Сергеевич уже взял на себя труд по постановке этих проблем и к тому же, что очень важно, сделал это на свежем фактическом материале и на понятном для историка науки языке. Во-вторых, статья хорошо показывает, что существующее в настоящее время у историков науки понимание презентизма и антикваризма страдает большой неопределенностью и даже некоторой противоречивостью, что дает мне основание высказаться по этому поводу и подчеркнуть принципиальные особенности моей собственной позиции. За все это я приношу Сергею Сергеевичу свою искреннюю благодарность.

1. Несколько слов о позиции С.С.Демидова

Прежде всего постараемся разобраться в том, на каком основании или по каким признакам в уже упомянутой статье презентизм и антикваризм противопоставляются друг другу. Начнем с характеристики антикваризма. Автор полагает, что этот подход требует от исследователя полного отказа от современного языка и столь же полного погружения в мир источника. Только при этом условии мы сумеем понять текст источника так, как его понимал сам автор или его современники. С этим последним нельзя не согласиться. С.С. Демидов, однако, тут же показывает, что последовательное проведение антикваристского подхода в указанном понимании - это чистейший абсурд. Вот что он пишет по этому поводу: "Погрузить источник в современный ему контекст - это значит описать его содержание на языке современных ему теорий, в рамках бытовавших тогда представлений, без использования языка более поздней (в том числе современной) науки. В идеале это под силу лишь субъекту, воспитанному в искусственной среде - не знакомому с нашим понятийным аппаратом, целиком погруженному в контекст изучаемого источника, то есть выключенному из нашего мира.... Но опыт такого "исследователя" оказывается бесполезным для нас, ибо воспитанный "в иных понятиях" он не обладает способностью контактировать с нами и единственное, что он может предложить нам, сводится к элементарному акту - выложить перед нами на стол источник таким, каким он до нас дошел *без всякого перевода и комментария*. Назвать это торжество исторического метода я бы не решился."

Итак, антикваризм - это описание содержания источника на современном ему языке. Важно обратить внимание на следующие два момента: во-первых, говорится об описании именно содержания источника, т.е. о его понимании, иными словами, история естествознания предстает здесь как наука понимающая, во-вторых, накладываются ограничения на

язык описания. Суть антикваризма усматривается как раз в наличии подобного рода ограничений. Идеальный антикварист знает язык источника, не владея при этом современным языком. Но какой смысл описывать содержание источника на современном ему языке, если сам источник по определению уже представляет собой такое описание? Это и фиксируется в статье, причем с автором и здесь нельзя не согласиться. Удивляет только одно: почему, так убедительно показав бессмысленность антикваризма в указанном понимании, автор от этого понимания не отказывается и не пытается эксплицировать термин "антикваризм" как-то иначе?

Но перейдем к презентизму. К сожалению, в статье отсутствует достаточно четкая его характеристика, и единственная возможность - это пойти по пути построения и проверки гипотез. Попробуем поэтому, последовательно развивая логику автора, определить презентизм по аналогии с определением антикваризма. Не трудно показать, что мы приходим при этом к аналогичному абсурду. Действительно, если не нарушать правил сопоставления, то презентизм следует рассматривать как понимание источника на современном языке при полном незнании языка прошлого. Это не встречает трудностей при своей реализации, но приводит фактически к тем же результатам: идеальный презентист относится к источнику просто как к современному тексту, который надо читать и понимать без всяких комментариев. Если антикварист не знает современного языка, то презентист - языка минувшей эпохи. Иными словами, идеальный антикваризм и презентизм при таком понимании полностью совпадают в своих внешних проявлениях - они оставляют источник без изменений.

Впрочем, сказанное отнюдь не исключает и возможности комментариев. Рассмотрим это более подробно. В каких случаях мы нуждаемся в описании содержания некоторого текста или, что в данном случае одно и то же, в комментариях к нему? Прежде всего тогда, когда текст не полностью нам понятен. Можно ли считать, что научные тексты прошлого обязательно непонятны? Отнюдь нет. А если они понятны, то ни антикварист, ни тем более презентист не будут искать в этом никакого подвоха. Допустим, однако, что текст порождает трудности при своем понимании. Это, конечно, в равной степени может относиться как к современному тексту, так и к тексту далекого прошлого. Как поведет себя в этой ситуации идеальный антикварист? Естественно, он постарается переизложить текст на языке той эпохи, когда этот текст был написан. Аналогичным образом поступит и презентист, используя при этом уже язык современной науки. ⁴ Не трудно видеть, что историческая точка зрения в равной степени отсутствует у обоих: презентист не видит прошлого, окопавшись в настоящем, антикварист - настоящего, переселившись в прошлое. Иными словами, презентизм и антикваризм при таком понимании в равной степени не могут претендовать на роль методологических концепций исторического исследования.

Но тогда, вопреки С.С.Демидову, нельзя говорить и о дополнительности этих двух подходов в боровском смысле слова. Дело в том, что каждая из двух дополнительных картин в квантовой механике дает полное описание явления. Это широко известно и постоянно подчеркивается. Нельзя, например, считать, что карты видимой и невидимой

сторон Луны взаимодополнительны. Они, конечно, дополняют друг друга в тривиально бытовом или классическом смысле слова, но никак не в квантовомеханическом. Каждая такая карта просто не полна, т.е. не полностью описывает явление. В такой же степени не могут претендовать на полноту презентизм и антикваризм в изложенном понимании, ибо, как отмечает и автор статьи, "каждый из них высвечивает лишь один аспект изучаемого явления".

Думаю, что последнее выражение даже не очень точно. Строго говоря, презентизм и антикваризм в этом понимании просто лишают нас истории, ее для них просто не существует. Историк должен описать содержание источника на современном языке, но он должен сделать это с учетом того исторического контекста, в котором источник был создан. Иными словами, если говорить об описании содержания, историк должен понимать источник с позиций антикваризма, но описывать это свое понимание средствами современного языка, т.е. как презентист. Нечто подобное делает любой переводчик с одного языка на другой. Для полноты аналогии можно представить себе два таких языка, что большинство слов в них совпадают по звучанию, но не по значению.

- Презентист и антикварист в таком случае - это просто носители разных языков, не знающие языка друг друга. Подлинный историк - это билингва.

Соответствует ли предложенная реконструкция тексту самой статьи? Отдельные ее места и, в частности, анализ дискуссии между Г.Цейтеном и М.Кантором говорят, казалось бы, в пользу именно такой интерпретации, но в целом на этот вопрос трудно однозначно ответить. Рассмотрим некоторые высказывания автора. "Погрузив источник в контекст, - пишет он, - мы вырываем его из исторического процесса. Он перестает быть предметом исторического исследования. В таковой он превратится лишь после того, как выйдя из контекста, исследователь посмотрит на него *извне* - попытается определить его место в череде исторических событий. Ну а это уже отход от последовательного антикваризма, ибо выход за пределы контекста и взгляд на предмет со стороны представляют собой не что иное, как интерпретацию источника на языке, чуждом контексту." Очевидно, что вырвать источник из контекста - это значит поместить его в другой контекст, в контекст современной науки. При этом все источники, будучи выражены на одном языке, становятся сопоставимыми и выстраиваются в некоторый ряд последовательного "развития" идей. Речь, разумеется, может идти только о некотором γ мнимом развитии, ибо связь идей в рамках современного учебного курса - это совсем не то же самое, что историческая связь идей. Автор, однако, явно приписывает презентизму способность выявлять реальные исторические связи. Ратуя за объединение презентизма и антикваризма, он пишет: "На практике историк постоянно прибегает к обеим подходам. Он стремится видеть и всю линию развития предмета, связывающую изучаемый источник с математикой сегодняшнего дня (презентизм) и в то же время наблюдать этот источник ... во всем многообразии связей с современным ему контекстом (антикваризм)."

Выбранные автором способы выражения таковы, что заставляют усомниться, а не изменяет ли он собственной логике рассуждений. Одно дело, понимать источник на современном ему языке, другое, - наб-

людать его во всем многообразии связей с современным ему контекстом. Странно, что и одно, и другое называется антикваризмом. Понимая слова современного русского языка, мы вовсе не наблюдаем контекст их употребления, не исследуем его, это дело лингвиста, мы просто живем в нем, т.е. в контексте, и он определяет наше поведение. Дышать воздухом и исследовать воздух - это разные вещи. Можно понимать источник и пытаться описать его содержание (раньше речь шла именно об этом), а можно наблюдать и описывать контекст создания или понимания источника. Что же имеет в виду автор? Это вопрос к нему, а не ко мне. Вопросы такого рода можно продолжить, ибо в такой же степени, например, следует отличать друг от друга понимание источника на современном языке, с одной стороны, и прослеживание "всей линии развития предмета", которая связывает источник и современность, с другой. Что же следует понимать под презентизмом?

Не будем брать на себя труд сформулировать точку зрения автора, это его право, нам важно другое: раньше речь шла только о понимании текста в определенном контексте, теперь же сам контекст неожиданно становится объектом наблюдения и описания. Это исключительно важно, ибо обогащает наше представление о реальности, которая подлежит исследованию, и о подходах, которые может реализовать историк науки в своей работе. Но что такое контекст в данном случае, если речь идет о понимании исторического источника? Очевидно, что термин этот употребляется автором в очень широком и даже метафорическом смысле слова. Контекст - это не текст в целом и даже не совокупность текстов, а нечто большее: это традиции эпохи, традиции, в рамках которых источник создавался и воспринимался как самим ученым, так и его современниками. Но наблюдение и описание традиций, о котором достаточно отчетливо говорит автор, означает ни много, ни мало как его переход с позиции понимания на позицию объяснения. В этом есть глубокий смысл, и ниже мы постараемся это показать.

Но сначала подведем некоторые итоги. Итак, С.С.Демидов четко и однозначно определяет антикваризм как описание источника на современном ему языке и убедительно показывает, что последовательный антикваризм в таком понимании - это чистейший абсурд. Он, однако, не отказывается на этом основании от своего определения, но настаивает на том, что антикваризм надо дополнить презентизмом. Этот последний не получает в статье достаточно однозначного определения, что сильно затрудняет понимание концепции в целом. Если следовать первоначальной логике автора, то презентизм - это описание источника на языке современной науки при полном незнании языка прошлой эпохи. Очевидно, что такой подход при последовательном его проведении - это тоже полное отрицание какой-либо истории. Впрочем, соединение обоих подходов выглядит вполне разумно: историк описывает содержание источника на современном, на сегодняшнем языке, понимая при этом, что он осуществляет перевод с другого, уже мертвого языка. Иными словами, при таком понимании, подлинный историк - это переводчик, владеющий и прошлым и современным языком. Так получается, если следовать первоначальной логике автора, у меня, однако, нет уверенности в том, что эта логика не нарушается, ибо в дальнейшем

автор начинает говорить о наблюдении всего многообразия связей источника с контекстом, о прослеживании линии исторического развития и т.п., что несколько не укладывается в исходное понимание. Мы, однако, благодарны автору за эту его непоследовательность, ибо она наталкивает, как нам представляется, на более правильное решение вопроса о презентизме и антикваризме, на более рациональный способ их противопоставления.

2. Презентизм и антикваризм как конкретизация понимающего и объясняющего подходов

Перейдем теперь к сути дела. Прежде всего исключим из рассмотрения те установки, которые при последовательном проведении означают полный отказ от исторического исследования. Будем исходить из того, что и презентизм, и антикваризм - это вполне разумные и последовательные концепции, отнюдь не приводящие нас к абсурду. Любой историк должен понимать, что источник написан не на языке современной науки, что его содержание надо реконструировать и попытаться перевести на современный язык. В противном случае, кстати, источник просто не был бы источником. Иными словами, историк, понимая, насколько это возможно, язык источника, должен описать его содержание на языке, доступном современному человеку. Такую позицию я и буду называть презентизмом. Подозреваю, что это как раз то, что С.С.Демидов назвал бы единством презентизма и антикваризма, превращая тем самым последние в некоторые абсурдные, как он сам показывает, концепции, просто не имеющие смысла друг без друга. Конечно, презентизм, как, кстати, и любой перевод, может быть разным, может в разной степени учитывать специфику языка прошлого, здесь поэтому возможны дискуссии, как и в теории перевода. На этом, однако, мы не будем сейчас останавливаться.

"Но что же такое антикваризм? - может спросить удивленный читатель, - Вы так определили презентизм, что ему уже нечего противопоставить!" На первый взгляд это действительно так, но только на первый взгляд. Историк науки так привык понимать источник и переводить его содержание на современный язык, так привык к "понимающему" подходу, что не сразу видит, что фактически и в его собственной работе далеко не все к этому сводится. Хорошо известно, что точный перевод не всегда возможен. Строго говоря, абсолютно точный перевод невозможен вообще. Иногда мы обращаем на это внимание, иногда нет. Как поступает переводчик, когда невозможность перевода становится очевидной?

Рассмотрим конкретный пример. Допустим, в тексте встречается английская поговорка "Mad as a hatter". Буквальный ее перевод - "Безумен как шляпник". Но он решительно ничего не дает, ибо шляпник в русской культуре никак не ассоциируется с безумием. Как же быть? Вот примечания, которыми сопровождается поговорка в русском издании книги Льюиса Кэрролла "Алиса в стране чудес": "...Скорее всего, эта поговорка обязана своим происхождением тому факту, что до совсем недавнего времени шляпники действительно сходили с ума. Ртуть, используемая при обработке фетра, ... нередко вызывала ртутное

отравление. Жертвы этого отравления страдали судорогами,... и это отражалось на их глазах и конечностях и затрудняло речь."¹

Не трудно видеть, что перед нами объяснение того, как возникла данная поговорка, описание, если хотите, того контекста, который ее породил. Кстати, что очень важно, носители английского языка могут всего этого не знать и тем не менее использовать поговорку. Сам комментатор не очень в себе уверен и поэтому начинает свои рассуждения с осторожного "скорее всего". В такой же степени, например, русский человек использует выражение "Бить баклуши", нередко не зная, что именно породило традицию такого словоупотребления. Это значит, что комментатор описал не содержание, не понимание поговорки, а нечто совсем другое, он описал возникновение традиции. Англичанин, действуя в рамках этой традиции и часто при этом не зная о ее истоках, понимает поговорку, комментатор ее нам объяснил. Значит ли это, что мы теперь ее понимаем? Полагаю, что нет, ибо у нас отсутствует ощущение того, где и когда эта поговорка уместна, какими оттенками смысла она обладает в реальной английской речи. Все это далеко не всегда полностью соответствует происхождению. Например, русское выражение "Скатертью дорога" по происхождению связано с представлением о дороге гладкой и чистой, как скатерть, но вспомним историю, рассказанную К.Ломб, о венгерском переводчике, который из самых лучших побуждений использовал это выражение, провожая высокопоставленного русского гостя.² Осознавая контекст, в котором могло возникнуть данное выражение, он тем не менее не понимал его подлинного смысла.

А как живет, в какой форме существует этот подлинный смысл, каков способ его бытия? Очевидно, что речь должна идти опять-таки о традициях, о традициях современного словоупотребления. Пользуясь родным языком, мы действуем не по каким-либо четко сформулированным правилам, а в соответствии с образцами живой речевой деятельности, которые у нас постоянно перед глазами. И это касается не только языка обыденной жизни, но в значительной степени и научного языка. Понимающий и объясняющий подходы в этой ситуации выглядят как два разных способа описания одной и той же традиции: мы можем попытаться описать то содержание, которое в рамках этой традиции передается, а можем - путь и механизм передачи. Я, например, могу точно сказать, что русское слово "взбутетенить" встретил в своей жизни только один раз, в стихотворении Некрасова "Псовая охота". Этим определен и путь, и механизм передачи содержания, с данным словом связанного, но само содержание пока никак не описано. Каково же это содержание? У Некрасова сказано: "Мы-ста тебя взбутетеним дубьем вместе с горластым твоим холуем". Я полагаю, что слово "взбутетенить" означает примерно то же, что и "избить".

Но вернемся к основной теме. Мысль моя сводится к следующему: для характеристики антикваризма нам надо выйти за рамки понимающего подхода, ибо антикваризм связан не с пониманием, а с объяснением. Да, конечно, антикварист отказывается от описания источника

¹ Έυρεθὴν Ἐυδοτῆες Ἀεθῆνα ἀ πὸδαίᾱ -οἰᾱῆν ἐ ἀ çàçàðèàèÿ. Ì., 1978 ᾱ. Ḽ.53.

² Ἐὰὸ Ἐῖῆᾱ Ἐᾱè ῶ èçó-àð ῥçûèè. Ì., 1978 ᾱ. Ḽ. 109.

со стороны его содержания, но это не означает, что он отказывается от его описания вообще, что он просто предъявляет нам источник без всяких комментариев. Нет, он описывает источник и при этом описывает его на вполне современном языке. Просто выражение "современный язык" имеет в истории науки по крайней мере два значения. Можно, например, описывать математический текст прошлого на языке современной математики, а можно на языке современной культурологии или философии науки. Антикваризм отказывается от первого, но отнюдь не от последнего. Если в первом случае речь идет о переизложении источника, об его интерпретации на современном языке, то во втором - мы должны выявить и описать социокультурный контекст возникновения и функционирования источника, те традиции, которые все это определяли. Иными словами, все зависит от того, какими средствами владеет историк науки, какой понятийный аппарат он использует в своей работе. Если историк математики опирается прежде всего на свое знание математики, это почти однозначно причисляет его к лагерю презентистов. Но если в его лексиконе начинают доминировать такие термины как "нормы", "образцы", "традиции" и т.п., которые вовсе не являются понятиями математики, то это свидетельствует о переходе на позиции антикваризма.

Сказанное означает, что дилемма презентизма и антикваризма - это частный случай традиционного для гуманитарной науки противопоставления понимания и объяснения. "...Литературовед, - писал М.М.Бахтин, - спорит (полемизирует) с автором или героем и одновременно объясняет его как сплошь каузально детерминированного (социально, психологически, биологически). Обе точки зрения оправданы, но в определенных, методологически осознанных границах и без смешения."³ Заменяем литературоведа историком науки. "Полемика" с ученым далекого прошлого предполагает понимание его точек зрения, предполагает их переизложение на современном языке. Только осуществив такой перевод и при этом достаточно квалифицированный, мы можем как-то оценить уровень прошлых знаний, сопоставить их с представлениями современной науки. Это в достаточной степени очевидно. Но не менее очевидно и то, что историка интересует не только содержание тех или иных научных идей, но и их обусловленность традициями эпохи, их, как выражается Бахтин, "каузальная детерминированность". Последнее вовсе не предполагает переизложения содержания источника на современном языке, более того, как я постараюсь показать, оно несовместимо с таким переизложением.

Приведем конкретный пример, иллюстрирующий оба подхода в их соотношении друг с другом. Рассмотрим с этой точки зрения представления Галилео Галилея о скорости равномерного движения. "Движением равномерным или единообразным, - пишет Галилей, - я называю такое, при котором расстояния, проходимые движущимся телом в любые равные промежутки времени, равны между собою".⁴ Чуть ниже Галилей формулирует четыре аксиомы и доказывает на их основе шесть теорем, которыми исчерпывается его учение о равномерном движении. И

³ Ì.Ì.Áàõðèé Ýíòàððèèà ñèíááííáí òáíð÷áñòàà. Ì., 1979, Ñ. 343

⁴ Áàèèèáí Áàèèèáé Ñí÷èíáíèÿ, ò. I. Ì-È., 1934, Ñ. 282.

аксиомы, и теоремы достаточно примечательны, и поэтому мы приведем в качестве примера две формулировки. Вот одна из аксиом: "При большей скорости движения в равные промежутки времени проходятся большие расстояния, нежели при меньшей".⁵ А вот последняя из теорем: "Если два тела движутся равномерно, то отношение скоростей их равняется отношению пройденных расстояний, умноженному на обратное отношение времен движения."⁶

Что означает в приведенных текстах термин "скорость", можно ли его понимать в нашем современном смысле этого слова? Автор комментария А.Н.Долгов склонен, вероятно, ответить на этот вопрос вполне положительно. Вот что он пишет по данному поводу: "Если мы обозначим скорость этого движения через V , время через T и пройденный путь через S , то в соответствии с определением равномерного движения будем иметь, что $S=VT$."⁷ Иными словами, у Галилея просто нет наших привычных обозначений, но стоит их ввести, и текст, созданный в начале ХУП-го века, становится вполне современным. И действительно, все, что утверждает и доказывает Галилей вполне соответствует нашим современным представлениям, мы нигде не можем ему возразить. Не ясно только одно: почему он вынужден доказывать такие вещи, которые в наше время очевидны даже для школьника? Возьмем приведенную выше теорему, ну разве она нуждается в доказательстве? Ведь если $S=VT$, то $V=S/T$, а из этого прямо следует то, что требуется доказать. Но так ли все просто?

Формула $V=S/T$ для Галилея, скорей всего, была просто невозможна. Об этом говорит хотя бы тот факт, что Эйлер уже во второй половине ХУШ-го века, вводя эту формулу, вынужден специально объяснять, что она не представляет собой бессмыслицу. "Здесь может, пожалуй, - пишет он, - возникнуть сомнение по поводу того, каким образом можно делить путь на время, так как ведь это - величины разнородные, и следовательно, невозможно указать, сколько раз промежуток времени, например в 10 минут, содержится в пути длиной, например в 10 футов."⁸ Еще раньше на эту трудность обращает внимание Безу в своих комментариях к "Динамике" Даламбера: "Поскольку путь и время являются величинами разного рода,... всякому ясно, что путь нельзя делить на время. Поэтому, когда говорят, что скорости находятся в том же отношении, как пути, деленные на промежутки времени, этим кратко выражают то, что скорости пропорциональны отношениям расстояний к общей мере расстояний, деленным на отношения времен к общей мере времен."⁹ Безу при этом ссылается на следующий отрывок из "Энциклопедии": "Когда говорят, что прямоугольник равен произведению его основания на высоту, это в более развернутом виде обозначает следующее. Если мы имеем два прямоугольника и если мы возьмем какую-нибудь линейную величину a в качестве общей меры для оснований и высот этих прямоугольников и если, далее, B будет числом..., выражающим, сколько раз a содержится

⁵ О'а' æá. Ñ. 283.

⁶ О'а' æá. Ñ. 290.

⁷ О'а' æá. Ñ. 650.

⁸ Ë.Ýééáð Ìñíáú æéíáìèèè òí-èè. Ì-Ë., 1938, Ñ. 287.

⁹ Æ.Ääèáíáð Æéíáìèèè. Ì-Ë., 1950, Ñ. 48.

в основании первого прямоугольника, H - числом, выражающим, сколько раз то же a содержится в высоте первого прямоугольника, далее b - числом, выражающим, сколько раз a содержится в основании второго прямоугольника, а h - числом, выражающим, сколько раз a содержится в высоте этого прямоугольника, то площади данных прямоугольников относятся друг к другу как произведение чисел B и H к произведению чисел b и h ." ¹⁰

Я привожу все эти отрывки для того, чтобы показать, в каких оговорках и разъяснениях нуждались выражения типа $S=VT$ или $V=S/T$ не только во времена Галилея, но и спустя более чем столетие после него. Становится очевидным, что переводить высказывания Галилея на язык привычной нам символики, как это делает А.Н.Долгов, - это акция отнюдь не безопасная. Мы тем самым игнорируем по меньшей мере целое столетие развития мысли. Но как же тогда следует понимать Галилея, можно ли его перевести на современный язык? Я полагаю, что нельзя, ибо он мыслит в принципиально иных традициях. Для нас понятие "скорость" давно уже неразрывно связано, "слито" с соответствующим математическим выражением. Для Галилея такое "слияние", скорей всего, представлялось бы бессмысленным. Поясню это более подробно.

Сравним друг с другом следующие два высказывания: 1. Земля по форме похожа на мяч; 2. Площадь вашей комнаты можно определить, измерив ее длину и ширину и перемножив результаты. Очевидно, что в первом случае, высказывание фиксирует некоторое объективное отношение геометрического сходства двух предметов. Второе высказывание каждый поймет несколько иначе: перед нами указание способа вычисления. А как следует понимать выражение $V=S/T$? Существуют по крайней мере три способа. Во-первых, его можно понимать как фиксацию некоторого объективного отношения, т.е. по образцу первого высказывания. Кстати, только в этом случае и возникают трудности, связанные с тем, что путь не состоит из единиц времени. Важно подчеркнуть, что символы, входящие в состав нашего выражения, воспринимаются при этом просто как сокращения слов естественного языка, а знак деления обозначает некоторую физическую операцию. Во-вторых, указанное выражение можно понимать как алгоритм вычисления или как операциональное определение скорости, т.е. по образцу второго высказывания. Тогда, разумеется, никаких указанных выше трудностей не возникает. Символы и здесь функционируют как сокращения слов естественного языка, но обозначают уже не путь, скорость и время, а результаты соответствующих измерений. Символ деления обозначает уже не физическую, а математическую операцию.

Существует, однако, и третий способ понимания. Он состоит в том, что мы включаем наше выражение в состав следующего высказывания: " $V=S/T$ - это математическая модель равномерного движения". В качестве образца мы и в этом случае можем взять первое из приведенных выше высказываний, но в несколько ином плане, а именно как утверждение того, что мяч может быть моделью Земли. Само выражение $V=S/T$ уже не воспринимается при этом как самостоятельное

¹⁰ Òàì æå. Ñ. 325-326.

высказывание, но выступает как особый математический объект, а входящие в его состав символы - это уже не слова естественного языка, а элементы математической оперативной системы. Именно такое понимание и характерно, как правило, для современной науки. Оно и означает полное "слияние" понятия "скорость" с соответствующим математическим выражением. Что касается Галилея, то он, вероятно, мыслит в рамках первого из приведенных нами образцов и воспринимает любые символические выражения в традициях естественного языка, что делает для него совершенно невозможным современное выражение для скорости. Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет об изменении самого характера знания, о скрытой, но достаточно фундаментальной революции в стиле мышления.

Но как же все-таки Галилей понимал термин "скорость"? Да, он не мог работать в современных традициях, но в каких традициях он работал? Здесь не место исследовать этот вопрос, и мы ограничимся формулировкой гипотезы, которая напрашивается на материале аналогий с другими областями знания. Понятия о тех или иных конкретных свойствах вещей или процессов часто формируются в качестве особого рода "стенографии", в качестве сокращенной фиксации эмпирической феноменологии. Лесовод, например, постоянно сталкивается с тем, что береза в отличие от ели плохо произрастает в затененных местах, и кратко фиксирует это, утверждая, что береза светолюбива, а ель теневынослива. Но термины эти первоначально решительно ничего не обозначают, кроме уже указанной феноменологии. Нельзя поэтому сказать на этом этапе, что береза плохо развивается в затененных местах потому, что она светолюбива. Это будет тавтологией. Избежать ее можно только одним путем: надо определить светолюбие либо на базе некоторого ограниченного подмножества внешних проявлений, либо вообще независимо от них (анатомически, физиологически). Наша гипотеза состоит в том, что Галилей как раз и осуществляет такого рода переход, отталкиваясь при этом от уже указанных достаточно древних традиций "языковой стенографии". Поэтому его термин "скорость" ничего не обозначает, кроме той феноменологии, которая частично зафиксирована в сформулированных им аксиомах. Две из них и, в частности, приведенная выше представляют собой поэтому чистейшие тавтологии. Однако уже само противопоставление аксиом и теорем означает попытку преодоления этого этапа тавтологичности.

Итак, пытаясь перевести текст Галилея на язык современной науки, мы рискуем пройти мимо той революции в стиле мышления, которая отделяет нас от ХУП-го века. Но фиксируя эту революцию, фиксируя тот факт, что Галилей работал совсем в других традициях, мы вовсе не продвигаемся в ответе на вопрос: как же следует понимать его термин "скорость"? Мы, конечно, ставим запрет на слишком современные толкования, но вовсе не предлагаем чего-то взамен. Не трудно видеть, что гипотеза "языковой стенографии" тоже не дает нам такого понимания, характеризуя не столько содержание понятия "скорость", сколько его строение. Как же соотносятся друг с другом два выделенных подхода? Постараемся показать, что именно при таком понимании презентизма и антикваризма они дают нам дополнительные в боровском смысле слова картины исторического процесса.

3. Презентизм и антикваризм как дополнительные описания

Прежде всего несколько слов о дополнительной в квантовой механике. Суть в том, что квантовый объект, например, электрон, не имеет определенной траектории, а следовательно, не имеет сам по себе и каких-либо других динамических характеристик, таких, например, как скорость и координаты. Эти характеристики, однако, можно измерить, но они присущи объекту не самому по себе, а появляются лишь в результате самого измерения, в результате взаимодействия квантового объекта с прибором. Дополнительность состоит в том, что, если в результате измерения электрон получил определенные координаты, то он при этом вообще не обладает никакой определенной скоростью, и наоборот. И дело не в ограниченности наших познавательных возможностей, а в объективной неопределенности самих этих характеристик.

Какое это может иметь отношение к презентизму и антикваризму или к пониманию и объяснению в гуманитарных науках вообще? Рассмотрим это на сравнительно простом примере, на примере описания традиций словоупотребления. При этом будем предполагать, что традиции не вербализованы, т.е. не закреплены какими либо правилами, а существуют на уровне воспроизведения непосредственных образцов речевой деятельности. Такое предположение не только не уменьшает, но наоборот значительно увеличивает степень общности рассмотрения проблемы, ибо воспроизведение деятельности по образцам - это исходный, базовый механизм социальной памяти, лежащий в основе всех остальных механизмов. Достаточно сказать, что речью мы овладеваем именно по образцам, а не каким-либо другим способом.

Итак, что же собой представляют такие традиции в качестве объекта исследования? Как уже отмечалось, мы можем подходить к их описанию двояким образом: во-первых, надо попытаться зафиксировать транслируемое содержание (это понимающий подход), во-вторых, надо описать пути и механизмы трансляции (подход объясняющий). Может показаться, что необходимо одновременно и то и другое, что ничто не мешает нам объединить оба описания в рамках одной синтетической картины. Как ни странно, но это не так.

Попытаемся реализовать понимающий подход на примере такого бытового понятия, как "лампа", и описать то содержание, которое мы вкладываем в это понятие. Обратите внимание, перед нами вовсе не стоит задача реконструкции прошлого содержания, речь идет о нашем современном понимании, носителем которого мы, несомненно, являемся. Стоит, однако, приступить к решению поставленной задачи, и мы сразу обнаружим, что она, мягко выражаясь, не принадлежит к числу легких. Лампы бывают керосиновыми, спиртовыми, электрическими... Может быть, лампа - это устройство для освещения? Но как быть с такими выражениями как "паяльная лампа"? А потом чем лампа отличается от фонаря, например, от уличного фонаря? Трудность не только в самом факте полисемии, но и в том, что мы не способны зафиксировать точные границы различных значений. А может быть, этих точных границ вообще не существует? Это принципиальный и важный вопрос. Историк науки может пытаться описать содержание понятия

"скорость" у Галилея, но где у него при этом гарантия, что это содержание объективно существовало как нечто вполне определенное?

Не трудно показать, что неопределенность указанного содержания коренится в самой природе наших понятий, в самом способе их существования. Подчеркнем еще раз, что слово "лампа", как, впрочем, и другие слова и выражения родного языка мы используем, руководствуясь не какими-либо четкими правилами, а образцами словоупотребления. Традиции словоупотребления - это и есть способ существования всех бытовых и далеко не только бытовых понятий. Но в любом действии по образцам изначально заложена неопределенность: любые предметы или ситуации в том или ином отношении похожи или, наоборот, не похожи друг на друга, и поэтому образец никогда не задает четких границ его возможных реализаций. Представьте себе, что вам указали на новый для вас предмет и назвали его лампой. Образец словоупотребления налицо. Но как его реализовать? По каким признакам мы должны сопоставлять предметы, чтобы иметь основание называть их лампой? По форме, размеру, устройству, способу использования...? Что общего между керосиновой лампой и электрической? Вероятно, только функция быть светильником. Но никто тем не менее не назовет лампой свечу, хотя она функционирует подобным же образом. Почему? Ответ, вероятно, только один - игра традиций словоупотребления.

Действуя по образцам, мы, как правило, существенно зависим от ситуации, от конкретного контекста действия. Трудно ограничить круг предметов, которые в той или иной ситуации могут быть названы столом, пепельницей, лампой... Следы такого ситуативного "расплывания" смысла мы встречаем в любом словаре. Это относится не только к бытовым, но и к научным понятиям, хотя в последнем случае постоянно предпринимаются усилия по стандартизации и унификации терминологии. Контекст, если он постоянен, выступает как фактор стабилизации словоупотребления, смена контекста может существенно изменить наше понимание слов или выражений. С огромной ролью контекста сталкивался каждый, кто когда-либо пытался переводить иностранный текст со словарем: полисемия каждого отдельно взятого слова приводит в ужас, и только осмысленность фразы в целом служит критерием при выборе значений.

К чему же мы приходим в итоге всех проведенных рассуждений? К тому, что традиции рассмотренного типа сами по себе не имеют никакого определенного содержания. Но значит ли это, что мы не можем их содержание определить? Нет, не значит. Можем и постоянно определяем. Однако содержание это не присуще традициям самим по себе, а возникает в самом процессе его определения. В качестве "прибора" при этом выступаем мы сами как носители языка с его неограниченными возможностями расчленений и детализаций. Поработав, мы, несомненно, сможем более или менее точно определить, что такое лампа и чем она отличается от свечи, фонаря, плафона, прожектора... Но это будет уже другое понятие, не то, которое реально существует в практике словоупотребления, это будет экспликация последнего. Не так уж трудно увидеть во всем этом аналогию с квантовой механикой.

Но как соотносится описание содержания с описанием механизма его трансляции, есть ли здесь нечто похожее на квантовомеханическую дополнительную таких характеристик, как скорость и координаты? Фактически мы уже ответили на этот вопрос. Анализ механизмов словоупотребления показывает, что слово само по себе не имеет определенного содержания. Иными словами, описание механизма исключает четкую фиксацию содержания. С другой стороны, как уже показано, описывая содержание или, точнее, создавая его, мы получаем нечто такое, что не соответствует реальному механизму словоупотребления, т.е., определив содержание, не можем ничего сказать о механизме.

Для большей аналогии с квантовой механикой все это можно изложить и несколько иначе. Имея дело с некоторым образцом или набором образцов словоупотребления, мы либо их описываем, либо воспроизводим. В первом случае, мы порождаем содержание, помещая образцы в универсальный контекст языка, во втором, - порождаем саму традицию, становясь ее участником и воспринимая образцы в контексте данной конкретной ситуации осуществления речевого акта. При таком рассмотрении, во-первых, появляется аналогия с двумя разными приборами в квантовой механике, а во-вторых, становится понятным следующее замечание самого Н. Бора: "...Практическое применение всякого слова находится в дополнительном соотношении с попытками его строгого определения."¹¹

Все сказанное, казалось бы, относится к проблеме соотношения понимания и объяснения при описании традиций словоупотребления, но как мы уже отмечали, противопоставление презентизма и антикваризма - это частный случай проблемы понимания и объяснения, а традиции речевой деятельности хорошо моделируют традиции вообще. И хотя наши последние примеры относились, скорее, к лингвистике, все это имеет прямое отношение и к истории науки. Изучая исторические традиции, историк должен понимать, что в его руках как бы два класса приборов. К первому относятся сами участники традиции, которые ее порождают. Описание механизма традиции - это и есть описание поведения, т.е. "показаний" этих приборов, описание их взаимодействий с традицией. Ко второму классу относимся мы сами, когда пытаемся вербализовать и эксплицировать то содержание, которое транслировалось в этих традициях. Приборы первого типа, демонстрируя механизм, не определяют содержания, прибор, представленный в лице самого историка, порождает содержание, не соответствующее механизму. Мы имеем две дополнительные картины исторического процесса. Одна из них может претендовать на подлинность, но, увы, подобна немому кино. Другая озвучена на понятном нам языке, но, как сказал поэт, "мысль изреченная есть ложь". Историк, разумеется, нуждается в обеих картинах, но их нельзя просто объединить друг с другом как описание одной и другой сторон медали. Каждая картина полна и, будучи дорисована до конца, в принципе исключает другую.

¹¹ Í.Áîð Èçáðáííúá íàò÷íúá òðóáú. Ò. II , Ì.,1971, Ñ. 398.

